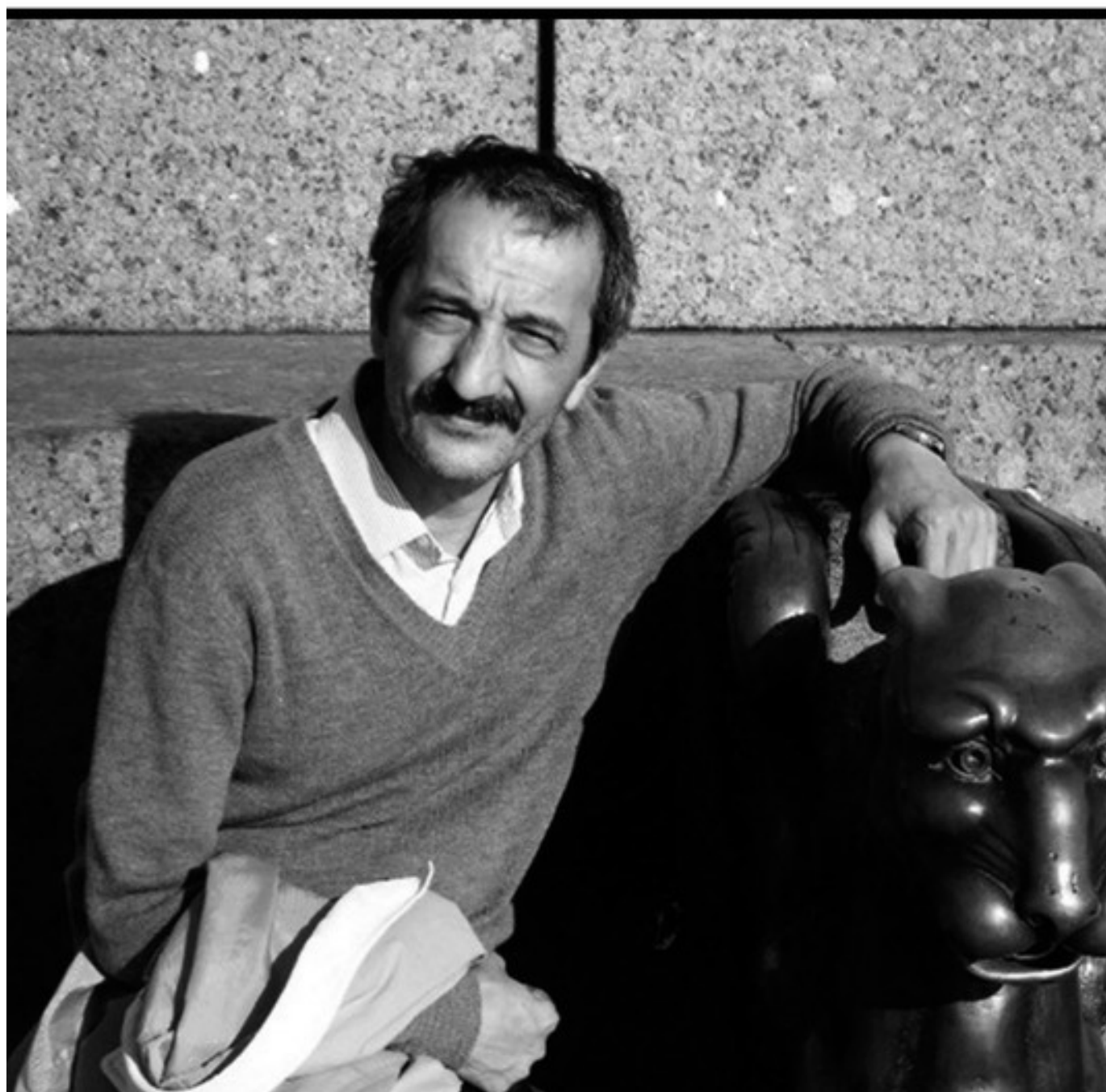

ГОЛИБ САИДОВ

Записки питерского бухарца

Голиб Саидов
Записки питерского бухарца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8920578

ISBN 9785447404437

Аннотация

Поделив свою жизнь поровну между родной Средней Азией и не менее близкой сердцу Россией, автор делится своими воспоминаниями, связанными с трудовой деятельностью, которая пришлась на нелёгкое время, именуемое как «эпоха перемен». Хорошо это или плохо? Автор ждёт ответа от читателя.

Содержание

Выемщик писем	6
Винзавод	7
КСМ	9
ХБК	10
«Интурист»	11
Азбука бармена	16
Совет от мудрого Каа	17
«Интурист» – «Аврора»	18
Блинчики от дяди-Коли	19
Стукачѐк-с	20
Что такое «не везёт»...	22
«Ветерок»	28
Восточная сдоба	30
Буревестник	31
Потомок русичей	32
«Ленбытхим»	33
Уроки кооперации	35
Натюрморт с самоваром	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Записки питерского бухарца Голиб Саидов

© Голиб Саидов, 2015

Корректор Голиб Саидов

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бухара, 1981 г. Фото из личного архива автора.

*Я не повар, и не писатель,
Я не русский, и не узбек
Просто, я наивный мечтатель,
Раньше срока явившись на свет,.
Не усвоил суровых законов,
По которым живёт большинство,
И летаю «белой вороной»,
Всех смущая вокруг давно.
Полу-грамотный, полу-учёный,
Полу-верующий атеист.
Чуть обрезанный, чуть крещённый,
Полу-мистик и полу-буддист.
И порою мне очень неловко,
От того, что я стал нелюдим
Словно, некий изгой, полукровка,
По ошибке попав вдруг к чужим.
Что, прожив столько лет на свете,
Я свободой всегда дорожил.
Что, любя всех людей на планете,
На «своих» и «чужих» не делил.
И себя, предавая Богу,
Музе высших – божественных – сфер,
Поскитаюсь ещё немного,*

*Как отверженный Агасфер
И неслышно уйду. И молиться
Стану ночи и дни напролёт,
Чтобы вновь в этот мир возвратиться,
Когда время моё подойдёт.*

Выемщик писем

– Чем три месяца дурака валять, пусть поработает немного и поймёт – что значит добывать деньги собственным трудом – принял мудрое решение отец, едва я закончил 8-ой класс.

– Ну что, надеюсь, сработаемся? – подмигнул мне напарник, решив, что особых проблем со школьником-сопляком у него возникнуть не должно.

В ответ мне оставалось только дружески улыбнуться и поспешно кивнуть головой. Наутро предстоял мой самый первый рабочий день.

«Выемка писем производится два раза в день:

с 9 до 12 – утром, с 16 до 19 – вечером. Кроме сб. и вс.»

– гласила надпись на стандартном почтовом ящике советских времён начала 70-х годов прошлого столетия.

На весь город, условно поделённый на два района, приходилось не более ста почтовых ящиков.

– Утром пройдемся по первому району, а после обеда – обнесём второй, понял? – коротко просветил меня мой старший и более опытный товарищ, едва я расположился в уютной кабине «ЕРАЗа», прижимая к себе мешок для выемки писем. И, заметив моё недоумение, улыбнулся: – Успокойся, поработаешь немного и всё поймёшь...

Ежедневно предприимчивый водитель выкраивал почти три часа рабочего времени для своих левых «халтур». Высадив меня возле Ляби-хауза и угостив самсой и мороженым, он исчезал в неизвестном направлении, а ближе к вечеру забирал обратно, по пути на главпочтамт. Таким образом, консенсус на некоторое время был достигнут.

Ещё через пару недель совместной работы, напарник решил совсем упростить нашу схему, останавливаясь не у каждого почтового ящика, а через раз.

– Ничего страшного, – заверил он меня, – завтра пройдемся наоборот.

Терпение советского школьника лопнуло и я, демонстративно хлопнув дверью, пошёл пешком. Товарищ опешил от подобного демарша. Казённая машина была совершенно новенькой и неприятностей по работе ему явно не хотелось.

– Ну, хорошо, хорошо... – стиснув зубы и вымучив улыбку, капитулировал водитель, приглашая меня назад, в кабину. – Садись, чёртов «Качан Джакыпов»! Заберём твои дурацкие письма. Все!

...На следующий день, я сидел у Ляби-хауза, уплетая за обе щёки бесподобный кавурма-лагман, который умели готовить вкусно только здесь. На десерт меня ждало шоколадное мороженое, а сквозь нагрудной карман белой «финки-безрукавки», весело просвечивал жёлтый рубль, согревая моё сердце самой первой в жизни взяткой.

Винзавод

Реальная жизнь, порой, жалеет детскую психику, обнажая себя постепенно и очень осторожно.

На винный завод я пришёл после 9-го класса, слегка подкованный и имеющий уже представление о взятке. Теперь же, предстояло узнать немного и о воровстве.

Огромный цех розлива, с шестью конвейерными линиями, вдоль которых стройными «солдатиками» неслись бутылки с различной жидкостью, произвёл на меня должное впечатление. Мне поручен был ответственный участок, на котором выбраковывались бутылки со случайно попавшимися насекомыми, с мутным непонятным оттенком, недолив или бутылки, с плохо завинченной пробкой.

Однако, и такая, казалось бы, непыльная работа, оказалась утомительной. Особенно, если учесть, что всё время приходилось стоять на одном месте и никаких стульчиков для этого не предусматривалось.

Моё рабочее место находилось в самой середине зала, на третьей линии, где гнали портвейн №53. Впереди меня, на первой и второй – весело брэнча и мило «беседуя» меж собою, плыли неразлучные «старка» и обыкновенная «московская». Сзади, текла батарея «противотанковых», ёмкостью 0,75 литра. Далее, на пятой, шипели какие-то игристые, а на самой последней, весело скакали «мерзавчики» или, как принято, было называть их ещё по-другому, «чекушки», ёмкостью по 0,25 литра.

Внезапно, наш конвейер стал по техническим причинам. Воспользовавшись короткой передышкой, я устало опустился вниз, прислонив спину к стойке и собираясь прикрыть свои веки. В следующую секунду, мои глаза не только не закрылись, а наоборот – чуть ли не выскочили из своих орбит. Через пару конвейеров от меня, я заметил пожилую толстую женщину, которая присев и задрав свою юбку, принялась бойко рассовывать по своим необъятным розовым рейтузам советского образца, несколько «чекушек». От изумления у меня непроизвольно отвисла челюсть. Через несколько секунд наши взгляды с ней встретились. «Коллега» смущённо улыбнулась и быстро поднялась, скрыв свои прелести. «Сеанс» был окончен.

На обеденный перерыв мы, с моим непосредственным наставником – пожилым азербайджанцем – расположились прямо на широкой ленте транспортёра, по которой обычно переправляются ящики с бутылками на склад готовой продукции. Он привычным движением вытащил откуда-то сбоку поллитровку «московской» и, водрузив её между нами, принялся разворачивать домашний свёрток. В нём лежал приличный кусок отварной говядины, с чуть заметным жирком по краям.

– Запомни золотое правило: никогда не запивай! – преподавал мне самый первый урок старик, поправив на переносице свои огромные как линзы очки, отчего глаза его неестественно увеличились. – Только хорошо закусывай.

Себе он наполнил на две трети гранёного стакана, а мне протянул небольшую стопочку. Я попытался было замахать руками, но он как-то странно посмотрел на меня и, выждав паузу, произнёс:

– Я знаю: сам когда-то так говорил. Жизнь длинная и зарекаться не следует. Я не хочу, чтобы ты стал алкоголиком. Я только хочу научить тебя грамотно пить и закусывать.

Потом помолчал немного и добавил:

– А пить ты всё равно будешь...

Мы чокнулись с ним и опрокинули живительную влагу вовнутрь...

С тех пор прошло более тридцати лет. Я действительно, не забросил это дело. И всякий раз, когда поднимаю свою рюмку, перед моим взором всегда возникает строгое и суровое лицо учителя, с огромными глазами, которые пристально смотрят на меня и напоминают:

«Никогда не запивай! Только закусывай! Понял?»

КСМ

Комбинат строительных материалов – так называлось моё очередное место работы.

Представить меня в качестве бетонщика столь же трудно, как вообразить себе депутата, искренне заботящегося о процветании народа.

– Запомни: на «шестипустотки» идёт цемент только марки 600 НН. – сообщит мне доверительно мой мастер, поднимая очередную стопку. После чего скамандует крановщику:

– Заливай!

– Погодите! – вскрикнул я, успевший за короткое время поднатореть в строительных терминах. – Это ведь, 400-сотый!

– Х#йня. – простодушно произнёс мастер. – Это не для комиссии.

Вскоре до меня дойдёт, что реальная жизнь намного отличается от того, что я изучал в школе или вычитал в своих любимых книжках.

Следовательно – воровать, оказывается, можно везде.

ХБК

Что такое разнарядка, объяснять советскому человеку излишне. Кануло в Лету и такое понятие, как «дефицит», о котором мы больше помним по известной миниатюре А. Райкина. Современному молодому поколению такие слова ничего не говорят ни уму, ни сердцу. А тогда...

Заполучить «ходовой» товар было делом нелёгким: мало того, что за ним необходимо было хорошенько побегать, так ещё и надо было умиловить и «подмазать» ряд чиновников, от чьей подписи зависело – куда именно двинется тот или иной дефицитный продукт.

К примеру, чтобы приобрести пару ящичков знаменитого в прошлом «Узбекского мускатного игристого», я с радостью был готов, пожертвовать в пользу завсклада целую бутылку из каждого ящичка!

Однако довольно распространённым явлением было насильственное всучивание залежалого, невостребованного, либо скоропортящегося товара, от которого любой ценой необходимо было избавиться.

Одним словом, сверху, с горпромторга пришла разнарядка: следовало срочно «сплавить» несколько тонн сельди. Причём, отменной сельди. Я уже писал о парадоксах географии в байке «Тройная уха», а потому считаю излишним объяснять российскому читателю причину излишней осторожности, проявляемой местным населением по отношению к какой-то сельди, когда многочисленные коллекторы кишат живыми экземплярами таких пород рыб, как сом, усач, сазан, жерех, белый амур...

Мне, в придачу к «ходовому» товару, впили аж целых тринадцать (!) бочек скоропортящейся заразы. Каждая весом примерно под два пуда. И хоть стоила она дёшево («рупь с чем-то»), реализовать в течение двух-трёх дней почти полтонны рыбы, было более чем невероятно. Необходимо было срочно предпринимать какие-то действенные меры.

И тут мы вспомнили про ХБК – хлопчато-бумажный комбинат, где работал в основном женский контингент. Многим из них, уставшим после тяжёлой трудовой смены, дома предстояла готовка ненавистного ужина, от которого никуда не деться. А тут, мы как раз, со своей селёдкой! Пожалуйста, будьте любезны...

Стратегия и тактика была выбрана столь удачно, что мы в первый же день избавились от семи бочек. На следующий день, нам удалось реализовать ещё три. И, наконец, в третий день, мы с превеликим трудом продали ещё одну. Осталось две бочки. Одну из них мы распределили по всем знакомым и родственникам, а последнюю – бесплатно раздали алкашам.

Самое парадоксальное заключалось в том, что вопреки здравому смыслу, после всей операции, мы не только не понесли убытков (к которым заранее были готовы), но и ... оказались в неплохом наваре.

Весь секрет был в бумаге, в которую мы заворачивали селёдку. Естественно, она всякий раз присутствовала на весах, не привлекая к себе особого внимания утомлённого покупателя. Казалось бы, подумаешь, какие-то незначительные граммы...

– Принимай! – вывалит товарищ мне на прилавок увесистую пачку толстой типографской бумаги, плотность которой значительно превосходила любую другую. Весила пачка никак не меньше восьми килограмм.

Потом ему ещё пару раз придётся доставлять мне эту бумагу. Пока мы окончательно не разделались с этой проклятой селёдкой.

«Интурист»

По окончании института, я полгода промаялся между школой №35 имени Узбекистана, расположенной в сельсовете Лоша и родным домом, окончательно истрепав нервы не только себе и своим домочадцам, но и директору школы. Пользы от меня не было никакой. Уроки мои походили на диалог глухонемого с детьми: большей частью я изъяснялся с помощью жестов и мимики, поскольку по «родному языку» (читай: узбекскому) у меня была незаслуженно завышенная «тройка». Как ни странно, но школьники очень скоро освоили мой «язык» и научились меня более-менее понимать. Чего не скажешь о директоре школы. Он бы с радостью меня давно уволил, но не мог: деньги (читай: взятка) перевешивали чашу весов однозначно.

Наконец, в один из весенних солнечных дней, луч надежды благосклонно осветил мою бедную головушку, преобразив до неузнаваемости весь ход моей дальнейшей жизни.

Я сидел на лавочке во дворе дома, уныло предавшись своим горестным размышлениям, когда из-за угла неожиданно показался Саша.

– Слушай, а не хотел бы ты поработать моим помощником в баре? В день я буду платить тебе три-четыре рубля, в зависимости от оборота.

Я мгновенно перевёл эту сумму в зарплату: выходило 100—120 рублей в месяц. В школе я получал 90. Отказаться от такого предложения, конечно же, было глупо и поэтому только спросил:

– А в чем будет заключаться моя работа?

– Да ничего сложного, – пояснил мне Саша, – понимаешь, скоро начнётся туристический сезон, а работников катастрофически не хватает. По ходу дела я тебе всё покажу и объясню. Только бар находится не в самой гостинице, а в старом городе, внутри медресе Абдулазиз-хана.

– Ого! – оживился я, вспоминая – где расположен этот памятник архитектуры семнадцатого века.

– Да, – словно прочитав мои мысли, согласился Саша, – там от туристов отбоя не будет: настоящий «Клондайк»! Вот, только как быть с твоей работой в школе?

– Ничего, разберусь – ответил я, приободряясь и представляя себя уже за стойкой бара, в бабочке, весело подмигивающим очаровательной Бриджит Бардо или Софи Лорен. – Главное, чтобы шеф ваш меня одобрил.

– Ну, об этом уж, я постараюсь позаботиться... – заверил на прощание меня старший товарищ и предупредил на прощание – Ты только не забудь одеться по приличнее: завтра с утра пойдем.

Помещение, наспех переоборудованное под бар, некогда служило лекционным залом (дарсхона). Здесь, с середины семнадцатого века читались лекции для слушателей медресе. Это было квадратное помещение, с общей площадью примерно в 30 квадратных метров, с огромным и высоким куполом, подпираемым искусно выполненными сталактитами. Толстые стены многометровой толщины надёжно защищали «бар» от уличной жары. Они были расписаны затейливым растительным орнаментом, отражающим большей частью индийские мотивы. Единственное окно с мощной кованой решёткой, выходящее на север, являлось своего рода естественным кондиционером, а потому летом здесь всегда было прохладно, а зимою стены служили надёжной защитой от холода.

«Да-а... – подумал я про себя, впервые переступив порог своего будущего заведения и с восхищением разглядывая сложные конструкции потолка, – умели ведь, строить наши предки...»

Странно, столько лет живу, и никогда мне не приходило в голову осмотреть памятники города. Впрочем, наверное, не я один задавался этой мыслью: много ли коренных питерцев посещают Петропавловскую крепость, Кунсткамеру или Эрмитаж?

К моему изумлению, никакой барной стойки я не обнаружил: вместо неё, вдоль стены, расположенной напротив единственного входа (служившего также и выходом), были поставлены в ряд обыкновенные столы, накрытые белой скатертью, на которых покоились блестящие подносы из нержавеющей стали, уставленные с графинами сока и стаканами из тонкого стекла. Сверху каждый поднос был аккуратно прикрыт белоснежными льняными салфетками. Зайдя за импровизированную стойку, я обратил внимание на обыкновенную шторку, за которой находилось ещё одно небольшое подсобное помещение. Там располагался огромных размеров двухдверный холодильник, в котором на полках лежало несколько бутылок сухого вина. На дне холодильного шкафа покоились деревянные ящики. Из них весело поблёскивали фольгой горлышки бутылок от шампанского. В стороне, прямо на полу я также обратил внимание на несколько ящиков со «Столичной» и коньяком «Белый аист». Это уже вселяло оптимизм.

Вскоре меня представили шефу, который коротко побеседовав со мной, одобрил мою кандидатуру.

– Не бойтесь, всё будет хорошо: вот увидите – приободрил нас шеф на прощание. – Барная стойка уже заказана. Необходимое оборудование тоже доставят вам в ближайшие день-два. Полки уже готовы, завтра привезут. А пока займитесь товаром и уборкой подсобного помещения. Сроки поджимают, ребята. Ждать некогда: скоро ручеек польётся и превратится в большую реку...

Боже! как он, оказывается, был прав!

Через неделю мы уже торговали вовсю.

Нескончаемые группы туристов, пройдя в сопровождении гидов по невыносимой 45-градусной жаре, неожиданно попадали к нам, словно в настоящий рай, оазис жизни среди раскалённых памятников древней старины. Они с жадностью набрасывались на холодные соки и прохладительные напитки, совершенно не подозревая, что последние лишь на короткое время утоляют жажду, через некоторое время вновь заставляя испытать вожделенного напитка.

Почти все сотрудники ресторана имели высшее образование.

Как и в любом коллективе, не обходилось и без «паршивых овец» или откровенных жлобов, но, должен признаться, что и они обладали исключительными качествами, позволяющим им из любой ситуации «выходить сухими из воды». А это свидетельствовало о многом. И прежде всего, о поразительной изворотливости ума и удивительной интуиции.

Именно от таких вот людишек, пытались меня предостеречь мои первые наставники, когда я только-только начинал делать робкие шаги, осваивая эту довольно специфическую профессию. И я по сей день, благодарен старшим товарищам.

Амон являлся уникальной личностью во всех отношениях. При всём этом, он был прост и доступен, хотя, старался всегда держаться независимо и с достоинством. Одного его цепкого взгляда бывало, порой, достаточно, чтобы точно и безошибочно определить характер человека. Ироничность была неотъемлемой чертой его характера. От него исходила уверенность, чувствовалось, что он знает себе цену. Недостатком, пожалуй, было то, что он неохотно признавал свои ошибки, что, впрочем, свойственно почти любому человеку, и он не всегда мог принять иную (отличную от его) точку зрения по тем или иным вопросам.

Ему претило всякое тщеславие, но больше всего он не терпел в людях дилетантства и некомпетентности. Тут уж у него, что называется, появлялся охотничий азарт: глаза слегка сощуривались, уголки губ постепенно опускались в презрительной усмешке и только внешне невозмутимое спокойствие, позволяющее ничего не подозревающей жертве dokon-

чить свою фразу, красноречиво свидетельствовало о том, что он как тигр перед прыжком, весь напрягшись, находится в состоянии крайнего напряжения с тем, чтобы в следующую минуту наброситься и разорвать своего оппонента в клочья. Подобные моменты доставляли мне исключительное эстетическое удовольствие, а потому я бросал любую работу, с интересом предвкушая захватывающий поединок, результат которого был заранее ясен и предопределён.

Однако он никогда не кичился своими познаниями.

Достаточно трезво смотрел на жизнь и слишком рано понял, что интеллектуальный багаж – это совершенно не та вещь, которая может быть по достоинству оценена и оплачена в стране, где его угораздило родиться. Он не желал быть нищим учёным, довольствуясь исключительно духовной пищей. Аромат, исходящий от жареного шашлычка из молодого ягнёнка, да под хорошее сухое мозельское вино привлекал его гораздо больше. Он прекрасно усвоил, что жизнь даётся ему один только раз, а потому хотел жить полноценной жизнью, дышать полной грудью и распоряжаться своей собственной судьбой по своему усмотрению. Так, как жили его предки. А потому, проанализировав существующее положение дел и тщательно взвесив все «за» и «против», он бросил вызов этой системе, приняв правила игры. И... встал за стойку бара.

Нет, историю, философию и языкознание он не забросил. Просто, все это превратилось всего лишь хобби и приятное времяпровождение.

Итак, на некоторое время я стал помощником бармена. Забегая несколько вперёд, скажу лишь, что ученичество моё продлится ровно две недели, после чего мой статус уравнивается с моими наставниками, и я останусь единоличным хозяином данного заведения.

Принимая во внимание рекомендации нашего непосредственного шефа, мои старшие товарищи безошибочно определяли – когда и кому можно предложить сухое вино или шампанское, а кому и покрепче, не опасаясь за последствия. Что и говорить: «школа шефа» была не чета сегодняшним дилетантам, умеющим подсчитывать только прибыли и «снимать бабки». Тут сказывалось глубокое знание психологии и безошибочная интуиция.

Иногда, ради прикола, мои наставники меня экзаменовали.

– Вот, видишь: эти двое сейчас обязательно сунут нос сюда. Можешь ли ты угадать – что они сейчас закажут? – испытывал меня Амон.

– По бокалу вина или шампанского – пытался угадать я, судя по тому, что это была молодая парочка.

– Нет, – уверенно опровергал мои предположения товарищ, – в лучшем случае они возьмут по чашечке кофе.

Парочка робко переступала порог нашего бара и, постепенно освоившись, парень осторожно осведомлялся:

– А можно пару чашечек кофе?

– Можно – удовлетворённо отвечал довольный Амон, коротко бросив торжествующий взгляд в мою сторону.

Естественно, я был ошеломлён результатом. И таких «уроков» было множество.

– Послушай, Амон, – не выдержал я однажды, – а как определить – кто перед тобой стоит: обихеэссешник или нормальный человек? Ведь на лбу у него не написано?

– Эт-точно. – подражая Сухову, ответил друг, – и, тем не менее, есть один существенный признак.

– Какой? – раскрыв рот от удивления, с надеждой взгляну я на него.

– Сердце – коротко бросит мне Амон.

– Не понял? – признаюсь я откровенно.

– Сердце! – повторит мой учитель и пояснит: – у тебя обязательно защемит что-то здесь (ткнув меня в грудь), если это окажется мент или обехеэссешник. Обязательно что-то кольнёт внутри, вроде иглы. Понимаешь?

Тогда, конечно же, я ничего не пойму. Однако подтверждение получу вскоре, когда оставшись совершенно один, вынужден буду признать правоту моего наставника. Кольнёт!

Порою экзамены затрагивали несколько иные аспекты.

– Ты себя считаешь образцовым торговым работником? – озадачивал меня вдруг Амон.

– Ну-у, не знаю, – робко тушевался я, – наверное, стараюсь быть таким.

– Хорошо, а давай предположим, что сюда зашёл твой отец: сможешь ли ты взять деньги с родного отца?

– Что ты? – искренне возмущался я, – за кого ты меня принимаешь?

– За кого угодно, – спокойно отвечал Амон, усмехаясь, – но только не за торгового работника.

Я так и не понял для себя: что скрывалось за этими словами – осуждение или восхищение...

Вскоре к нам заехал шеф и объявит:

– Так, ребята: поток туристов в гостинице возрос, а потому срочно необходима помощь: с завтрашнего дня, ты Амон переходишь в центральный буфет, а ты Саша – в валютный бар.

– А кто же останется здесь?! – чуть ли не хором спросим мы.

– Голиб. – решительно огласит свой вердикт шеф и, весело подмигнув мне, заключит: – Ничего, справишься.

Я был в откровенном замешательстве.

– Как же я справлюсь, – растерянно обратился я к Саше, когда Амон вышел проводить директора до машины, – я ведь совсем не знаю – как делать отчёт?

– Ничего, – подбодрит меня товарищ, – если что, я помогу тебе снять остатки.

– Какие ещё остатки?

– Потом объясню.

Через час зазвонил телефон, после чего Саша заторопился в главный корпус гостиницы.

Мы с Амоном остались одни.

Я заволновался. Мне было страшно.

– Не переживай, – заверит меня Амон и, наклонившись к самому уху, прошепчет – я помогу тебе снять остатки...

Пройдёт меньше двух недель, когда наконец-то до меня дойдёт это загадочное «снять остатки». К тому времени, наш проницательный директор зазовёт моих старших товарищей к себе в кабинет и строго-настрого накажет, не пытаться оказывать мне помощь.

– Пусть сам во всё вникает – коротко бросит он, – иначе, не добьётся самостоятельности.

К концу недели я с волнением стану подсчитывать наличность товара и сверять её результаты с цифрами в отчёте. И ... боже мой! У меня не сходилось порядка триста рублей. То есть, получалось, что они «лишние». А это по тем временам, как-никак, составляло почти четыре моих месячных зарплаты.

«Здесь явно скрывается какая-то ошибка» – думал я про себя, вновь и вновь пересчитывая и перепроверяя. Всюду выходила эта сумма.

Тут на моё счастье появится Амон, которому я с волнением всё выложу.

– Что мне делать? – взгляну я на него с надеждой.

– Суй в чулок, дурак! – коротко ответит товарищ и, улыбнувшись, добавит: – теперь ты понял, что такое советская торговля?

Для меня это и в самом деле было одним из значительных открытий. Позже, по ходу жизни, будут возникать иные, новые нюансы и «открытия», но это было одним из первых, а потому и самым впечатляющим.

Азбука бармена

Помнится, самое первое, что я сделал, очутившись за стойкой бармена, это составил огромный список, который был разбит на две колонки: в левой её части мною старательно были выведены корявым почерком русские слова и предложения. После каждой строчки следовал прочерк, то есть тире и ... далее – было пусто. С этим листком я поочерёдно подходил ко всем нашим гидам с единственной просьбой – заполнить пробел в правой колонке. Соответственно, на разных языках.

– Зачем тебе это надо? – с улыбкой поинтересовалась одна из моих знакомых, которая работала с итальянцами.

– Как это, «зачем»? Должен ведь, я как-то изъясняться с иностранцами? – в свою очередь, удивился я.

– Нет, ничего, конечно, – смущённо ответствовала подруга, с трудом сдерживая свои эмоции. – Ну, например, вот здесь! – ткнула она указательным пальцем в строчку и, не выдержав, громко рассмеялась. – Или вот тут!

«Что Вы делаете сегодня вечером?» – прочитал я, стараясь сохранить невозмутимость.

«На сколько дней Вы приехали в Бухару?» – стояло чуть ниже.

«Давайте выпьем».

«Хотите узнать, как выглядит восточная спальня?».

И так, до самого конца списка...

Совет от мудрого Каа

Работал у нас в ресторане гостиницы «Бухоро», от ВАО «Интурист», дядя-Гриша – бухарский еврей. Замечательной души человек. Отменный повар, специалист экстра-класса.

Я же, хотя и находился в филиале, почти ежедневно приходил в главный корпус, чтобы сдать выручку в кассу. Касса находилась рядом – между кухней и залом – и потому, довольно часто мне доводилось сталкиваться с этим умудрённым жизненным опытом человеком.

Всякий раз, проходя мимо, я вскидывал вверх руку и приветствуя, вопрошал:

– Как дела, дядь-Гриш?

На что неизменно получал один и тот же ответ:

– Средненько...

Однажды, я не вытерпел:

– Дядя-Гриша, почему Вы всегда отвечаете «средненько»?

И он мне пояснил:

– Понимаешь, дорогой, ты ещё молод и не достаточно опытен. Тебя окружают самые разные люди. Если на вопрос: «Как дела?», ты ответишь: «отлично», то рискуешь навлечь на себя всякого рода завистников и нехороших людей. Если же скажешь: «плохо» – по тебе «протопчутся», вытирая ноги, словно о половую тряпку: в конечном итоге тебя запинаят и заключают. А потому, всегда выбирай «золотую середину» и отвечай: «средненько», не дразня и не давая повода, как – тем, так и другим.

«Интурист» – «Аврора»

Небезызвестный по предыдущим рассказам дядя-Гриша, отличавшийся сдержанным характером и своеобразным юмором, продиктованным, по всей вероятности, исходя из нелёгкого жизненного опыта, подкупал слушателя своими оригинальными высказываниями. Он был склонен к философским размышлениям, а потому немногословные реплики, временами вылетающие из его уст, были полны жизненной правды и могли вполне успешно соперничать с афоризмами великих мыслителей и классиков прошлого и настоящего.

Чего греха таить, – система, в которой мы все работали, относилась к сфере торговли, а там где торговля (особенно – в советскую эпоху), там – понятное дело – у каждого могло быть «рыльце в пушку». А потому и работали все с оглядкой на ОБХСС и укоренившейся привычкой – «быть всегда начеку».

Из многочисленных коротеньких, но ёмких изречений этого мудрого человека сейчас мне вспомнилось ещё одно.

Всякий раз, уличив момент, дядя-Гриша незаметно и тихо подкрадывался к стойке центрального буфета, где предусмотрительными буфетчиками для него была уже заблаговременно приготовлена стопка водки, быстро опрокидывал содержимое и, закусив рукавом поварского халата, неизменно произносил свою коронную фразу:

– Да-а, «Интурист» – «Аврора»!

И также, тихо и бесшумно исчезал, оставляя в неведении недоуменных и гадающих по сему высказыванию отдельных сотрудников ресторана.

Наконец, любопытство одного из последних достигло точки кипения. Благо, и сам «виновник» не заставил себя долго ждать, неожиданно вынырнув неизвестно откуда и ловко опрокинув очередную порцию водки.

– Да-а, «Интурист» – «Аврора»! – подтвердил он свой «пароль» и хотел уже было смыться, но наш товарищ остановил его.

– Дядь-Гриш, как понимать ваши слова?

Дядя-Гриша помолчал немного, словно размышляя про себя – стоит ли доверять молодому, а затем, наклонившись к самому уху, прошептал:

– Ты помнишь про «Аврору»?

– Вы это про ту, что залп... – начал, было, молодой сотрудник.

– Тс-с! – прервал его на полуслове «мудрый Каа», приложив указательный палец к губам, – вот и у нас, в гостинице: пока всё тихо и спокойно. Но в один прекрасный день – не дай Бог – ка-а-к рванёт!!!

Блинчики от дяди-Коли

Вы мне, возможно, не поверите, но настоящий интерес к блинчикам у меня проснулся после прочтения знаменитого рассказа О'Генри «Пиментские блинчики». До сих пор, я не могу без улыбки, представить бедного Джедсона Одома – главного героя этого рассказа. Если будет время, обязательно прочтите на досуге, не пожалеете.

Станным выглядит другое: самые настоящие, а следовательно и самые вкусные блинчики с мясом я пробовал только в одном месте. Не гадайте, поскольку это бесполезное занятие. Ну, а если исходить из географии, то вообще может показаться абсурдом. И, тем не менее, это факт. А ел я их в... Бухаре, в гостинице от ВАО «Интурист», где шеф-поваром работал знаменитый дядя-Коля. К своему великому стыду, я даже фамилии его не знаю. * Знаю только, что готовил он отменно. И вовсе не потому, что его стряпня нравилась нам – работникам гостиницы – а потому, что кухня была завалена благодарностями от многочисленных иностранных и советских туристов, посещающих в огромном количестве наш город «музей-заповедник», со всех концов земного шара. И немалая заслуга в этом принадлежала именно ему – этому скромному, простому и обаятельному человеку.

Не случайно, на декаду узбекской кухни в (тогда ещё) Ленинград приглашались повара не из Ташкента, не из Самарканда, а из Бухары. Что и говорить, достаточно сильный был состав кондитеров и поваров в то время.

Я же, неизменно, придя утром на работу, заказывал для себя на завтрак блинчики с мясом: два больших аппетитных и нежных блина, поджаренных на сливочном масле, с румяной корочкой и изумительно сочной начинкой, тающей буквально во рту и обязательной к ним порцией отменной сметаны. Ни в Москве, ни в Питере, ни до, ни после, мне не доводилось есть таких блинов. И потому, сейчас я очень сожалею, что постеснялся тогда спросить рецепт их приготовления. Прекрасно зная доброжелательный нрав дяди-Коли, я уверен, что он не отказал бы мне в этом. А теперь, спустя четверть века, когда столько перемен произошло в нашей жизни, вряд ли это возможно. Остаётся только верить и надеяться, что он по-прежнему жив и здоров, чего я ему искренне и от всей души желаю.

* – Статья была написана давно. А совсем недавно, я узнал фамилию это замечательного повара – Сушинский.

Стукачѐк-с

Не знаю, как обстоят дела сейчас, но в советскую эпоху работать в сфере гостиничного бизнеса, обслуживающего иностранных туристов, было нелегко. Если тебе дорого было твоё рабочее место, ты обязан был сотрудничать с органами госбезопасности. Иначе, легко лишался своего места. Это давно уже не секрет: об этом в той или иной форме прекрасно написано С. Довлатовым, М. Веллером и другими классиками. Меня сия чаша также не обошла стороной.

Ко мне также был прикреплѐн один из сотрудников бдительных органов, которого я обязан был информировать периодически о том, что происходит на вверенном мне участке, то есть в баре. Передавать на словах так, чтобы это не коснулось никого из друзей и знакомых, оставаясь, при этом, в ладах со своей совестью, было делом нелѐгким. И, тем не менее, худо-бедно, но, в общем и целом я справлялся (благо, фантазии уже тогда переполняли мою юную душу). Хуже было другое: периодически я обязан был излагать свою информацию в письменной форме для того, чтобы в любой момент её можно было проверить и отследить по часам и минутам, если в этом появится настоятельная необходимость. Именно это обстоятельство больше всего меня и угнетало. Тем более что аббревиатура да и сама система карательных органов, стоящих на «страже народа», была мне чужда по духу, вероятно, с самого рождения. Ставить свою подпись я соглашался только под одним документом, который назывался «Ведомость заработанной платы».

Я уже собрался было писать заявление об уходе «по собственному желанию», когда один из близких друзей остановил меня от этого шага, разъяснив – как следует поступить мне в данном положении.

– Ну и чего ты достигнешь? – резонно спросил он меня. – На твоё место придѐт какой-нибудь действительно мерзкий человек, который ради карьеры готов будет пройти по головам своих же товарищей. Будь умней. «Им» ведь тоже, это необходимо скорее всего для «галочки» – отрапортоваться вышестоящему. А потому, раз уж это неизбежно, умей грамотно составлять свои «писульки» – не подставляя никого из своих и одновременно давая «ценную» информацию об иностранных фарцовщиках, коих всегда было предостаточно в сфере «Интуриста».

А иностранцы, и в самом деле, были совершенно разные: попадались среди них и отталкивающие личности, любой ценой стремящиеся «делать деньги» на чем угодно, не гнушаясь ничем. Наверное, это естественно, но меня, почему-то, подобное отношение всегда раздражало.

Одним из таких въедливых и настырных типов, вызывавших во мне тошноту и рвоту, был худенький и смазливый итальяшка с жиденькой козлиной бородкой, предлагавший мне купить свой товар: начиная от обычной жвачки и презервативов, до джинсовых костюмов, женской косметики и нижнего дамского белья. Наконец, видя мою очень вялую реакцию, он вдруг вытащил пачку зелёных долларов, предлагая за каждый доллар три или четыре (сейчас уже не помню) советских рубля.

Наверное, я был глупый бармен, поскольку доллары меня также мало интересовали. Более того, из газеты «Известия», мне было достоверно известно, что курс американского доллара оценивался тогда в... 67 копеек. Я, конечно же, знал истинную цену этой иностранной валюты, как знал и то, что за подобные операции можно надолго угодить за решѐтку. Кроме того, меня вполне устраивали наши кровные советские рубли, которые были на порядок весомее сегодняшних «деревянных».

Одним словом, моя сделка с ним не состоялась. Через два дня эта группа уехала дальше по своему маршруту, а ещё через три – ко мне наведлся «товарищ», которому мне необхо-

димо было передать в письменной форме хоть что-то такое, за что могли бы, «его» – похвалить, а меня – оставить на некоторое время в покое. Таким образом, на жертвенный алтарь мне пришлось принести бедного итальянца.

В оправдание своё могу лишь сказать следующее: если «на том» свете мне придётся держать ответ ещё и перед ним, то я, глубоко осознавая, что был тогда неправ, непременно исправлюсь, предложив ему: «Извини, камрад, во искупление своей вины я согласен сегодня купить у тебя доллары по 5 рублей за штуку. Но, только оптом!»

Что такое «не везёт»...

– Ты чего, это себе, такое позволяешь, а!? – сурово начал директор. – Хрен вырос, что ли?

Я стоял, опустил голову и, не находя слов в своё оправдание, мучительно разглядывал затейливый орнамент красного бельгийского ковра, раскинутого посередине кабинета.

– Тебе что – мало было «своих»? Ладно, там – кого-нибудь из братских стран. Но – из ФРГ!? Ты хоть, представляешь себе – чем это пахнет?

Я представлял. Сегодня я уже прекрасно осознал и каялся о случившемся, поскольку, в лучшем случае меня ждал выговор, ну а в худшем... О худшем думать не хотелось.

Кроме шефа и меня, в кабинете находился также один из руководителей службы безопасности «Интуриста» – пожилой и многое повидавший на своём веку ака-Борис. Все его звали именно так. Никто не знал ни настоящей его фамилии, ни – отчества.

– Ну, ладно, – доверительно наклонившись ко мне и сузив свои маленькие хитрые глазки, лукаво прошептал старый мент – сколько «палок» кинул? Только честно, между нами?

«Ага: так я тебе и сказал...» – подумал я и представил – как ликует сейчас душа ветерана.

– Да не было у нас ничего.

– Ты кому сказки рассказываешь: твой друг давно уже всё нам рассказал? – В обычной нашей среде это называлось «брат на понт», то есть, заставить расколоться. – Мы же, о тебе беспокоимся, дурачок! Подумай о родителях! – вкрадчиво льстил ко мне «хитрый лис», продолжая свою обработку.

И в самом деле: было нечто такое в повадках и во всем его облике, что напоминало это дикое животное. Это был прирождённый мент. Иногда мне даже казалось, что он родился в форме, – представить его в обычной одежде не приходило в голову никому.

Являясь грозой не только хулиганов, но и обычной молодёжи, которая вела себя (по его мнению) слишком развязно и вызывающе, он не мыслил себя вне милиции. Это был, своего рода, бухарский «Анискин». Причём, совпадало всё: и должность и звание. Отличие состояло лишь в его фирменных усиках «а ля фюрер», с которыми он никогда не расставался, да ещё, пожалуй, сказывался южный темперамент: его неуёмной энергии мог позавидовать любой выпускник высшей школы милиции. В своём деле он был супер-профессионалом. От него бесполезно было скрываться и прятаться: у него был дьявольский нюх и врождённое ментовское чутьё.

Самым излюбленным его занятием было – застукать какую-нибудь парочку в кустах и, осторожно подойдя на цыпочках, хрястнуть по голой заднице своей неразлучной резиновой дубинкой. Это был пик блаженства. Смотреть, как насмерть перепуганные молодые люди, лишившись дара речи, спешно пытаются натянуть на себя штаны. Ради такой картины, несомненно, стоило идти в милицию.

И сейчас, в кабинете директора ресторана, он всячески старался «вывести меня на чистую воду», искренне сожалея о своём промахе, пытаясь взять реванш за вчерашнее. Ещё бы: впервые «Акела промахнулся...»

Отчасти я был даже рад, что дело дошло до моего шефа, потому что это означало только строгую взбучку на виду у начальства гостиничной охраны и «отеческое внушение», когда мы останемся с ним наедине – «дурень, ты этакий: гуляй, но с умом, чтоб не застукали...»

Своих работников он ценил не только за профессиональные качества, а потому, будучи в тесном контакте с сотрудниками КГБ, всячески нас выгораживал, не раз вытаскивая из щекотливых ситуаций. Вот и на сей раз, приняв угрожающий вид, он клеймил меня позо-

ром, угрожая увольнением из рядов барменов, глубоко в душе переживая и моля, чтобы я только не сорвался и не отчебучил не того...

– Так, «по обоюдному согласию» было или – как? – с тревогой спросил теперь уже директор. – Ты пойми: в городе за последние два года уже было три ЧП, связанные с изнасилованием иностранок, а потому, если «они» завтра напишут письмо и это дойдёт «до Москвы», то мы и в самом деле ничем уже вам с Сафо не поможем.

– Не было ничего – вновь повторил я упрямо.

Самое ужасное заключалось в том, что я говорил правду. Во всяком случае, в отношении себя. И от этого чувство досады и обиды лишь возрастало: «ну почему всегда и за всё отдуваюсь я один?»

Сафо работал за стойкой центрального буфета. Именно он вчера предложил мне «снять девочек» из немецкой группы, которая ужинала в ресторане.

– Смотри, какие классные – обратил он моё внимание на столик в самом центре зала, за которым выделялись две девицы с аппетитными формами. – Присядем к ним, а там видно будет. Видишь, – группа ушла, а они остались, – явно съёмные. – заключил он с видом зна-тока.

Впрочем, не верить ему, не было никаких оснований: у него был намётанный глаз и огромный опыт работы в «Интуристе».

Меня же, уговаривать было излишне.

– Guten abend! («Добрый вечер!») – мы одновременно и неожиданно возникли с двух сторон, явно ошарашив не только прелестных и очаровательных девушек, но и, одновременно, работников КГБ. Приятель мой, широко улыбаясь, уверенно водрузил в центр стола бутылку «Узбекского мускатного игристого».

– Добрый вечер! – совершенно без акцента ответила одна из них, очень быстро придя в себя и узнав нас.

Я растерялся от неожиданности, однако, вскоре всё прояснилось. Она жестом пригласила нас присесть и представилась:

– Наташа – и, взглянув на подругу, коротко произнесла: – Хельга.

Мы попросили прощения за свою бестактность и тоже поспешно представились. Как вскоре выяснилось, Наташа являлась сопровождающим гидом из Москвы, а Хельга – руководителем группы. Последняя, по-русски не знала ни единой буквы. Впрочем, мы с другом также не шпрехали по-немецки (за исключением нескольких дежурных слов). Так что услуги Наташи пришлись очень кстати.

Сафо оказался прав: судя по тому, как подруги легко пошли с нами на контакт, а спустя уже минуту, откровенно разглядывали наши загорелые молодые и крепкие тела, девочки не то, чтобы изголодались, но явно были не против, отведать немного экзотики.

Я высоко вскинул свою руку над головой и сделал небрежный щелчок в сторону официанта: через пять минут стол ломился от деликатесов, которые были «сэкономлены» для нас заботливыми «халдеями» с предстоящего банкета. Завязалась непринуждённая беседа, вперемежку с дежурными шутками, которыми, как правило, доверху забиты головы барменов, на все случаи жизни.

Наташа – смуглая брюнетка с прямыми волосами до плеч и большими выразительными глазами, очень напоминала мне солистку из модного в ту пору квартета «Shocking Blue» Мариску Верес. Она выглядела так же стройно и не менее сексапильно. И, тем не менее, в отличие от нидерландской знаменитости, обладала одним существенным недостатком – у Наташи была маленькая грудь.

Хельга же, напротив, была стопроцентной немкой: со светлой кожей, с коротко стриженной рыжеватой причёской и открытым доброжелательным лицом. Одним словом, истинная арийка, любительница пива и сосисок, происходившая родом из какого-то провинциаль-

ного баварского городка, название которого я так и не запомнил. Единственным минусом (для меня) были её габариты: я на секунду представил её восседающей на мне и... мгновенно встряхнулся. Странно, но то, что для меня было «смертью», для приятеля оказалось «плюсом».

Внимательно оглядев обе жертвы поближе, приятель незаметно моргнул мне в сторону московской переводчицы, давая понять, что он предпочитает более жопастую немку. Я не возражал. К тому же, перспектива, молча сопеть в кровати с необъятной грудой мяса, выглядела несколько вульгарно и пошло: я жаждал не только женского тела, но ещё и человеческого общения. Сафо же, мои эстетства казались несколько чуждым и непонятным излишеством: его интересовало только то, что находилось ниже талии, особенно – с обратной её стороны.

Ещё через десять минут не осталось и следа от бывшей скованности: изумительное «Мускатное игристое» и «Столичная» делали своё дело, приближая нас к заветной цели.

Бдительные сотрудники из органов, не решаясь подойти к нашему столику, издали делая нам с товарищем знаки, расшифровать которые не составляло труда даже законченному тупице. Естественно, мы с товарищем в упор «не замечали» этих пассов, наглым образом игнорируя их усердие и вводя последних в бешенство своим вконец нахальным и вызывающим поведением.

– Ты видишь? – обратил я внимание моего друга.

– Конечно – улыбнувшись и искоса бросив взгляд в их сторону, ответил мне Сафо. – Это – ерунда: у меня есть план.

Видимо, количество алкоголя стало переходить в качество: нам было уже абсолютно все «по барабану». Главное – сегодня нам хорошо в такой весёлой и дружеской компании. Вечер обещал быть памятным, а что будет завтра – наплевать.

Сафо склонился к моему уху:

– Я через десять минут пройду к себе в буфет, спущусь в подвал, а оттуда на улицу, к своей «копейке». А ты проведёшь их через фойе, мимо охраны и выведешь на улицу. Я подъезжаю, вы быстро садитесь и ... дальше – дело за мной. Договорились?

Я кивнул головой: меня уже захватил кураж и я был готов к самым безрассудным действиям.

– Ну, что: поедим ко мне, нах хаузе? – весело обратился товарищ к девочкам и добавил, глядя на порядком покрасневшую Хельгу: – Шпилен-шпилен, ай-лю-лю, яволь?

Это «шпилен-шпилен» чуть не свалило нас с Наташей под стол.

– Javohl, javohl! – затрясла своими «эдельвейсами» немка и заговорчески подмигнула приятелю белёсыми ресницами. Она уже давно поняла – к чему идёт дело, и лишь томилась в ожидании. Её откровенно веселила и забавляла наша конспирация.

Впрочем, зачем было ей, – родившейся на Западе и привыкшей к раскованности и свободе, – знать все хитросплетения нашей мудрёной и сложной совковой жизни. Мне сделалось смешно оттого, что мы такие разные: многое в нашем поведении приводило её в изумление, переходящее нередко в недоумение, в то время, как мы совершенно искренне питали к ней жалость, поражаясь её наивности. Нет, что ни говори, но мы были из совершенно различных миров, а потому представляли друг для друга исключительный интерес.

Вскоре мой друг исчез, и я, крепко ухватив под рученьки моих спутниц и оказавшись, таким образом, посередине, уверенно пошёл прямо «на врага».

«Неприятель» был сбит с толку и находился в явном замешательстве: как быть? Разговаривать с иностранными туристами им строго запрещено. Изъять меня незаметно – нет никакой возможности. Тем не менее, смекалистый и хитроумный ака-Борис нашёл способ – донести до моего слуха преступность наших замыслов, с вытекающими отсюда тяжкими последствиями.

Не глядя на нас, он обратился ко мне по-таджикски, цедя сквозь зубы:

– Мон ваёя! На кун! Пага ганда мешёд! («Оставь их! Не делай! Завтра плохо будет!»)

Со стороны, казалось, что он обращается вовсе не к нам, а к своему сотруднику.

Я же, продолжая улыбаться своим подружкам, медленно, но упорно продвигался к выходу, притворившись глухим, словно эти замечания относились не ко мне. Это ещё больше взбесило старого «гвардейца»: он просто не находил себе места, перебегая короткими шажками от одной мраморной колонны к другой. «Как так: игнорировать меня!? Ну, ничего: сейчас мы его на улице возьмём!»

Едва очутившись на свежем воздухе, мы пулей спустились вниз по лестнице, как раз туда, куда подъехал на своей машине Сафо и, быстро забравшись вовнутрь, тронулись с места. Обернувшись назад, я увидел, как несколько человек спешно пытаются сесть в милицейский «бобик». Сафо усмехнулся: он резко свернул с проезжей части куда-то в сторону и, выключив фары, стал петлять по хорошо известным ему переулкам и дворам. Через десять минут мы уже сидели у него дома: довольные и радостные, празднуя нашу победу.

Квартира, состоявшая из двух комнат с крохотным коридором посередине, представляла собою типичное советское жильё 70-х годов прошлого столетия: железобетонный каркас, с низкими потолками, тонкими стенами и идеальной звукопроводностью.

Как и полагается вначале, для приличия, мы собрались все вместе в небольшой комнате, которая являлась, судя по всему, гостиной. Мой друг произнёс дежурный тост, обставленный витиеватыми восточными фразами, смысл которых сводился к тому, что пора всем в койку.

– Переведи! – Сафо умоляюще взглянул на Наташу.

Однако, немецкая гостья, каким-то неведомым нам, шестым чувством, прекрасно всё поняла, обойдясь и без переводчика, поскольку в следующую секунду её светлая рука легла вначале на колени, а затем крепко зажала копчёную волосатую руку партнёра, отчего мой друг расплылся в довольной улыбке.

– Zum vohl! («За здоровье!») – обратившись исключительно к Сафо, страстно выдохнула она, обдав его своим томным взглядом, в котором читалась недвусмысленная готовность – закрепить произнесённый другом тост конкретной печатью.

Через минуту сладкая парочка скрылась в соседней комнате.

Едва мы остались одни, как моя рука автоматом обвила шею Наташи, словно удав, затягивая свою жертву в петлю. Я уже приготовился было к привычному сценарию, однако, подруга неожиданно сняла мою руку и повернулась ко мне, как-то странно взглянув на меня. Я насторожился. Какое-то мгновение она терзалась мыслями.

– Мне сейчас нельзя... – наконец, виновато произнесла она.

Хоровод предвкушаемых сексуальных фантазий внезапно остановился, повис беспомощно в воздухе и... рухнул в какую-то бездну.

«Нет, этого не может быть! – пронеслось у меня в голове. – Только не это, только не сейчас!»

– Ты мне не веришь? – словно прочитав мои мысли, спросила Наташа.

– Верю... – обречённо выдавил я и в отчаянии откинулся на спину, скрепив на затылке запястья своих рук и тупо уставившись в потолок.

«Вот тебе и бл#дки! – сокрущённо подумал я. – Получай, фашист, гранату!»

Наступила неловкая пауза.

И вдруг, среди этой тишины из соседней комнаты донеслись стоны. Сначала, едва уловимые, а затем вполне отчётливые и достаточно эмоциональные.

Я встал и быстро включил телевизор. По иронии судьбы, шёл документальный фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм». На фоне немецкого штандарта с изображением орла, маршировали тысячи гитлеровских молодчиков, в надраенных до блеска кас-

ках. В какой-то момент на экране возникла физиономия фюрера, импульсивно жестикулирующего в конвульсиях. И, буквально через несколько секунд, прозвучало знакомое: «Zig!» и ответное громовое: «Hail!!!». И так три раза...

– Kommen, kommen! Eins, zwei, drei! – донеслось вдруг неизвестно откуда.

– Господи! Что это?! – не разобравшись в первую секунду, переглянулись мы.

Наконец, до нас дошло: неистовые призывы доносились из соседней комнаты. Стереозвук производил на нас должное впечатление: громкость телевизора дрожащими руками была установлена в положение «максимум». Однако, это не помогло.

Я знал, что экстаз у женщин, достигших апогея, может выражаться в совершенно необычных формах.

К примеру, небезызвестная Марья Антоновна из знаменитого литературного шедевра Эфраима Севелы «Моня Цацкес – знаменосец», в такие моменты, обычно, проникаясь к самому святому, кричала: «Батюшки-светы! Святые угодники! Мать пресвятая богородица! – и, достигнув оргазма, звала на помощь – Ка-ра-у-у-ул!»

Другая героиня не менее знаменитого классика и автора популярных «Гариков» – Игоря Губермана, дойдя «до точки кипения» неизменно выкрикивала своё знаменитое: «Зарежу-у!!!»

«Наша» же фройлян была не такой: будучи истинной арийкой, она методично и неистово маршировала, усердно подбадривая утомлённого и обессиленного партнёра: – Eins, zwei! Eins, zwei, drei!

В моем воображении внезапно всплыли картинки из её далёкого детства: очень возможно, что не последнюю роль в деле воспитания и закреплению подобных инстинктов, оказало дедушкино влияние, который (вероятнее всего) в молодости являлся одним из молодых штурмовых отрядов.

Наши взгляды с Наташей встретились и... мы, не выдержав, прыснули: сохранять невозмутимость и хладнокровие далее было просто глупо.

Я на секунду представил несчастного Сафо: каково ему сейчас? Мне импонировала в нем его жизнерадостность: являясь неплохим знатоком человеческих душ и обладая своеобразным юмором, он в любой ситуации старался находить нечто весёлое и жизнеутверждающее. Как же поведёт себя он на этот раз?

В ту же секунду, из-за стены донёсся победный возглас друга:

– Ур-ра-а!!

И, буквально через секунду-другую, в этот жиденький клич бывшего советского солдата, ворвался как вихрь, истошный вопль эмоциональной мадам Хельги. На фоне его бодренького и звонкого «Ура», прохрипело, а затем стремительно взвыло, словно сирена, непонятное иностранное «У-ыы-а-а!!!»

Голоса слились в едином экстазе, причём, соблюдая музыкальные каноны (в унисон и в терцию), продержались некоторое время, сотрясая воздух, а затем также внезапно безжизненно стихли.

– Кончили – зафиксировал я.

– Причём, одновременно! – внесла существенную поправку моя партнёрша.

И мы тоже, одновременно захихикали...

– Ну: что будем делать? – вопросительно взглянул на моего директора ака-Борис.

– Придётся принимать меры – расстроено согласился директор и, грозно сдвинув брови, обратился ко мне: – Садись, и пиши объяснительную. Про премию, естественно, можешь позабыть, а вот насчёт работы и вообще... (многозначительно взглянув на ака-Бориса), разговор сейчас будет особый.

Старый лис, недоверчиво взглянув на нас и, недовольно передёрнув плечами, попятился к двери.

— Короче — едва только вышел мент, наклонился ко мне через стол шеф, — вы их пригласили сегодня к тебе в бар, на филармонию — скорее утвердительно, чем вопросительно обратился он ко мне. — Так вот: я вечером приеду и разберусь. Точнее — разберёмся. Сафо в курсе. Подготовь там наши места, хорошо? Так что, у тебя есть шанс реабилитироваться...

«Вот так всегда — подумал я, выходя из кабинета и направляясь на базар за фруктами, — ну почему одним всегда всё, а другим — не везёт? Почему?!»

«Ветерок»

Это была типичная советская «стекляшка», каких в те времена было во множестве практически в любом мало-мальски уважающем себя городе. Причём, более всего меня всегда умиляли их нежные названия: «Снежок», «Ветерок», «Колобок», «Холодок»... Ну, прямо-таки, детские ясли для алкашей.

В одном из подобных заведений властвовал мой друг Зариф. Работая в сфере «Интуриста», я и предполагать не мог, что убогие «стекляшки» типа «Ветерка», способны приносить порой не меньшую прибыль, чем самый навороченный ресторан. Вскоре, мне предстояло убедиться в этом лично.

– Будь другом, поработай, пожалуйста, вместо меня двое суток, хорошо? Ну, очень нужно! – обратился как-то ко мне Зариф.

Говорить «нет» я так и не научился до сих пор...

На следующее утро, товарищ стал знакомить меня со всеми тонкостями работы. В общем-то, для меня было понятно: всё почти также, как и в «Интуристе», только гораздо более приземлённое, включая ассортимент и цены. Зато, оборот был несравненно больше.

– А где тут у вас кофеварка? – обратился я к другу.

Зариф улыбнулся моей тупости и указал на огромный агрегат, больше похожий на круглую стиральную машину «Киргизия».

– Ведёрно-помойная система – пояснил коротко коллега. – Всё очень просто: заливаешь на три четверти водой и кипятишь. В отдельной плошке варишь пачку молотого кофе вперемежку с цикорием и вливаешь затем в котёл. Берёшь пару банок концентрированного молока, открываешь, и также отправляешь вослед. В заключение, сыпешь сахару и размешиваешь. Всё!

Я попробовал: кофе показался мне бесподобным. Особенно после того, как мгновенно перемножил в голове количество получаемых в результате стаканов на 22 копейки. Я с уважением посмотрел на товарища. Но, как оказалось, этим возможности «Общепита» не исчерпывались. Друг обратил моё внимание на огромную кастрюлю с водой, находившуюся под стойкой, которая доверху была заполнена бутылками. Сверху плавали этикетки от водки.

– Я думал, что это «минералка». А зачем столько много, неужели у вас такая проходимость?

В ответ приятель снова иронически усмехнулся.

И в этот момент, снаружи вежливо забарабанили по стеклу.

– О, проснулись, бл#ди! С утра пораньше! – не выдержал Зариф, направляясь к двери. Слегка покосившиеся замызганные часы, показывали 6—55.

– Доброе утро! – вежливо поздоровались со мной двое завсегдатаев этого заведения, копошась в карманах и выкладывая поверх стеклянной витрины всю имеющуюся у них наличность. – Как всегда...

Я перевёл недоумённый взгляд на друга.

– Водка... – пояснил мне товарищ, указывая глазами под стойку.

Рука автоматом нащупала под стойкой холодненькую бутылку. Она, почему-то, оказалась с пластмассовой пробкой. Разлив по 150 граммов, я пододвинул гранёные стаканы поближе к первым клиентам. Один из них, дрожащей правой обхватил крепко стакан. В левой руке он изящно держал наготове лимонную карамельку.

– Ну, с Богом! – произнёс он, когда его товарищ тоже дотянулся до своей стопки, и, аккуратно поднеся спасительную влагу ко рту, стал не спеша вливать её в себя.

Поставив пустой стакан на прилавок, он как-то странно и с недоумением посмотрел на приятеля. Тот, в свою очередь, выкатив глаза, уставился на друга. Секунды две-три они молчали, после чего, оба перевели взгляд на меня.

– Что такое? – не понял я.

– Брат, ты нас извини... что-то, водка... это... как его...

Я схватил початую бутылку и поднёс её к носу.

– Бля-я... Это вы меня простите, ребята: я «минералку» перепутал с водкой!

– Слава Богу! – вырвалось у одного из них. – А я уж, грешным делом, подумал: не заболел ли...

В противоположном углу, схватившись за живот, беззвучно сползал на пол мой друг.

Восточная сдоба

В один из очередных приездов в Бухару, я решил порадовать своих близких настоящей российской выпечкой. Так и заявил с утра, решительно и твёрдо:

– Сегодня на кухне хозяйничать буду я! А вы – можете пока отдохнуть...

Наскоро составив список необходимых продуктов и, отправив племянника в магазин, я принялся «шерудить» по полкам и шкафчикам в поисках соответствующего инвентаря, напевая себе под нос отрывки из оперы П. И. Чайковского «Иоланта»: «Никто не сравнится с Матильдой моей...»

Ария Роберта неожиданно прервалась на самом интересном месте, когда мой шустрый племянничек, вернувшись из магазина, вывалил на стол продукты, значившиеся в списке.

– Что это?! – в ужасе воскликнул я, со страхом разглядывая серовато-грязный пакет, на котором было выведено слово «мука». Если бы не надпись, я ни на миг не усомнился, что мой родственник перепутал продовольственный магазин со строительной площадкой и вывез оттуда пакет цемента или алебаstra.

– Наша мука! – гордо отвечивал он. – Есть ещё и казахстанская, но она дороже почти в два раза.

– Ну, а это, я полагаю, маргарин? – уже немного придя в себя и разглаживая морщинистую этикетку от «увесистого кирпича», скорее даже не спросил, а подтвердил я для себя, втайне надеясь, что мой племянник сейчас же опровергнет мои худшие подозрения.

Племянник молчал.

Когда очередь дошла до дрожжей, я тихо опустился на стул и... заплакал. Мне стало стыдно, что я живу и питаюсь нормальными продуктами, раздавая направо и налево рецепты своих блюд, совершенно не догадываясь, что продукты могут сильно отличаться друг от друга, как одни люди отличаются от других.

Я живо представил – какой сложный путь, они совершают и какой, при этом, «обработке» подвергаются, прежде чем лягут на прилавок конечному потребителю, то есть нам с вами. Поэтому, неудивительно, что продукт до неузнаваемости меняется не только внешне, но и качественно.

К счастью, эти времена – я надеюсь – навсегда «канули в Лету». Это было давно, когда Союз развалился, и Республики только-только осваивались с новым для себя статусом.

И, все же, каждый раз, приезжая на Родину, я первым делом стараюсь пройтись, прежде всего, по магазинам, расположенным вокруг маминого дома. И, если все нормально, я знаю, что сегодня я на радостях позволю себе принять немного лишнего и сладостно засну. И мне будет сниться «убегающее» из кастрюли тесто и летящие вереницей по небу пирожки. Туда, – на север, в Россию...

Буревестник

В середине ноября 1982 г. я впервые оказался в Ленинграде. Незадолго до этого не стало Л. Брежнева...

Так уж вышло, что в феврале 1984 года мне вновь довелось очутиться на берегах Невы. На сей раз, буквально за два-три дня до моего приезда, умирает Ю. Андропов.

Мой друг, встречая меня в аэропорту и радостно тиская:

– Господи, Голибушка! Ты бы почаще к нам приезжал...

Потомок русичей

Было это много лет тому назад. Ко мне в гости, проживающему уже в России, в Ленинграде, приехали мои студенческие друзья-земляки из Бухары – просто, навестить товарища.

Это уже сейчас, задним числом, когда межэтнические и межнациональные конфликты достигли своего апогея, я вдруг осознаю, что все мы были совершенно разных национальностей: один – кореец, другой – татарин, третий – таджик. Но это так, к слову.

Встречаю я, значит, их в аэропорту «Пулково», нанимаем такси и едем к нам домой. В машине, помимо прожжённого таксиста-питерца, оказалась попутчицей ещё и старенькая бабушка – «божий одуванчик» – которая за все время пути не проронила ни единого слова.

Надо отдать должное моим друзьям – восточное воспитание, впитанное кровью с молоком, не замедлило сказаться даже здесь, несмотря на то, что от дома их отделяли тысячи километров.

Проявилось это, прежде всего в том, что, прекрасно зная, – как я рад их приезду и какой приём ожидает их дома (с соответствующим, положенному случаю, количеством спиртного и так далее), они, скромно опустив глаза, стали что-то застенчиво оправдываться и лепетать о Востоке, о традициях: мол, ты ведь, прекрасно знаешь, как принято встречать гостей – достаточно всего лишь чаю и сладостей...

Понятное дело, люди, воспитанные в традициях восточного гостеприимства, никогда и нигде не позволят, своим вольным или невольным приездом обременять жизнь тех, к кому они едут. Дабы избежать всевозможных взаимных извинений и прочей учтивости, принятых на Востоке, с сопутствующими данному случаю «книксенами» и «реверансами», я вдруг выпалил, ставшую впоследствии знаменитой, фразу:

– Ну-у, это у вас так принято. А у нас – у русских...

Наш многоопытный водитель от таких слов чуть не врезался в столб, находившийся далеко на обочине, а бедная бабулька ещё долго не могла прийти в себя, всю оставшуюся дорогу периодически оборачиваясь на заднее сиденье и убеждаясь в том, что мои усы и густая чёрная борода никуда не исчезли.

«Ленбытхим»

Перебравшись окончательно из Благородной Бухары в «Колыбель революции», я сразу же попал к... эмиру бухарскому. Вернее, не к самому «угнетателю и притеснителю простого трудового народа» (ибо к тому времени он уже почил в бозе, в приютившем его Афганистане), а в его дом, что был расположен по адресу: Кировский (теперь уже – опять – Каменноостровский) проспект, дом 44б. Больше известный питерцам, как Дом эмира Бухарского, построенный в 1913 году по проекту С. С. Кричинского для эмира Бухары Сеид-Мир-Алим-хана.

Правда, попал я туда не сразу.

Предприятие «Ленбытхим» было не маленьким: его производственные корпуса и конторы были раскинуты по всему городу. Поначалу я работал в главном здании, которое располагалось на улице Черняховского, совсем рядом с Сангальским садиком, названным почему-то садом Фрунзе. До большевистского переворота, этот садик с прекрасным особняком принадлежал крупному русскому промышленнику не то полуфранцузского, не то полунемецкого происхождения Францу Карловичу Сан-Галли (1824—1908) – почётному гражданину Санкт-Петербурга.

Особой гордостью и украшением этого сада являлся фонтан-скульптура «Рождение Афродиты» (автор проекта Иван Горностаев), который встречал вас у входа, едва вы переступали его порог сквозь изящную ажурную литую ограду, со стороны Лиговки. Я помню, как каждое утро, проходя через сад, любовался этим творением. Однако, по заведённой в нашей стране, с известных времён, традиции, на пороге третьего тысячелетия, эту композицию, по-русски говоря, кто-то просто-напросто сп... спрятал. Народ, конечно же, возмутился и власти вроде бы пообещали вернуть на место копию. Надо бы сходить и глянуть – быть может, греческая богиня и впрямь возродилась по-новой?

А потом наш отдел научно-технической информации перевели поближе к проектировщикам, то есть на Кировский проспект, где нам выделили приличный по размерам кабинет-мастерскую, где мы с утра до вечера разрабатывали этикетки для различного рода «пемоксолей», «пемолюксов» и прочей дребедени бытовой химии.

От былого величия дворца, частично сохранилась лишь чудесная лепнина на потолках, позволяющая судить о размерах помещений. В советский период, как и полагается, каждое такое помещение было пролетарски поделено на четыре-пять новых, с помощью искусственных перегородок. Как говорится «и овцы целы, ну а волков ещё в 17-ом прищучили».

И всё равно, по сравнению с тесными каморками на Черняховской, тут несомненно был «рай»: высокие светлые потолки, украшенные великолепными розетками и восхитительной лепниной, с заметным преобладанием восточных мотивов, огромные старинные каминные с дивными редкими остатками изразцов, большой холл, одним словом, невероятный простор.

Я был рад, что наконец-то порвал со своим грязным прошлым (эти бесконечные пьянки в «Интуристе», шальные деньги, постоянный риск угодить за решётку и, вдобавок, дурацкие и никому ненужные отчёты и встречи с «товарищами» из бдительных органов), что заживу теперь свободной вольной птицей, в прекрасной дружественной компании таких же жизнерадостных людей, как и сам.

А коллектив, надо отметить, и в самом деле попался дружный. Но самое интересное, выяснится чуть позже, когда мы тесной компанией сядем дружно отмечать мой день рождения. Перебрав с шампанским чутко лишнего, мой непосредственный шеф наклонится ко мне и доверительно шепнёт на ухо:

– А ведь, мой дед состоял личным шофёром при бухарском посольстве и очень возможно, что катал самого эмира Алим-хана.

Такими сведениями в советское время хвастаться было небезопасно.

– Вы шутите, Юрий Иванович... – не поверил я словам начальника.

– У нас где-то дома, в семейном фотоальбоме хранится даже фотография. Надо будет поискать.

Надо ли описывать моё изумление? История настолько тесным образом переплелась с современностью, что я вдруг почувствовал себя её неотъемлемой частью. Моё сердце затрепетало от радости.

«Боже мой! – подумал я про себя, витая на седьмом небе от счастья. – Вот она, оказывается, какой восхитительной может быть, эта самая жизнь! Интересные люди, невероятные истории, удивительные биографии и куча новых друзей! А я всё – деньги, деньги, деньги... Ну, не дурак, а? Как хорошо, что всё это осталось в прошлом и так далеко отсюда. Эти навязчивые „леониды ивановичи“, объяснительные записки, идиотские пароли... Слава Богу, тут я вдохну свежий воздух и заживу – пусть хоть и не такой беззаботной – но, зато, нормальной человеческой жизнью...»

Внезапно зазвонивший телефон прервал мои размышления.

– Это тебя – передал мне трубку начальник.

– Да, я слушаю!

– Поздравляю Вас с днём рождения! – бархатным баритоном прозвучал на том конце трубки неизвестный мне мужской голос.

– Кто это? – не понял я.

– Вам привет от Леонида Ивановича! Надеюсь, Вы не успели забыть нашего общего товарища?

Нечто странное и непонятное оборвалось у меня в груди и с силой ухнуло вниз. Что-то сильно сдавило грудную клетку. Секунды две или три длилось молчание с обеих сторон.

– Чего Вам от меня надо? – хрипло выдал я, наконец.

– Да ничего особенного – поспешил успокоить меня мой новый «товарищ», быстро смекнув, по моему ответу, что я не собираюсь стать ещё одним Исаевым или Кузнецовым. – Я только хотел передать Вам от него небольшой презент.

– Спасибо, мне ничего не надо – сдержанно ответил я, почувствовав, как сильно затекают ноги.

– Ну, тогда – как знаете – разочарованно произнёс незнакомец и игриво пообещал на прощание: – Я ещё Вам позвоню.

Я опустил тяжёлую трубку на рычаг аппарата и, вытерев со лба выступившие капельки пота, устало плюхнулся в кресло: «Да-а... от них, бл#ть, и на Луне не скроешься...»

– Кто там был? – заботливо осведомился Юрий Иванович, подступив с очередным бокалом искрящегося напитка.

– Да так... дальние родственнички... решили поздравить.

Уроки кооперации

Переехав в Питер (тогда ещё – Ленинград) и женившись, я крепко задумался – чем же мне, всё-таки, заняться и как кормить семью. Сейчас, спустя столько времени, не могу без улыбки вспомнить о том, как я собирался открыть кооператив «Манты» – этакое небольшое предприятие быстрого обслуживания, что было вполне логично и отвечало всем требованиям, провозглашённым М. Горбачёвым на заре «перестройки».

Какой же, я все-таки наивный простофиля!

Как и полагается, я собрал все необходимые для регистрации бумаги и двинулся в Василеостровский трест столовых. Ходил я туда ровно три недели подряд, совершенно искренне недоумевая – почему мне всё никак не подписывают и не регистрируют моё детище, столь необходимое городу в то время, как другие, более «шустрые», выходили из кабинета заведующей с широкой улыбкой на лице и красовавшимся круглым штампом в углу документа.

Вначале, заведующая внимательно выслушав меня, смотрела на меня, гадая – откуда я сейчас вытащу и положу ей на стол «заветный» свёрток. Во вторую нашу встречу, настала очередь недоумевать теперь уже мне.

«Что за ерунда? Что им ещё от меня надо?» – искренне удивлялся я про себя.

«Ты что – тупой? – вскидывая вверх свои брови и глядя широко раскрытыми глазами, как бы обращалась начальница, в свою очередь, ко мне. – А ещё на Востоке родился...

А я ей нёс какую-то ахинею, что-то вроде: «...и, как говорил на съезде партии Михаил Сергеевич Горбачёв... это как раз, отвечает требованиям... в русле постановления» и так далее.

В следующий раз, меня уже принимал её заместитель.

К концу третьей недели, находясь внизу, в комнате вахтера, я из последних сил хрипел насчёт кооперации, упоминая работы В. И. Ленина, но меня уже не мог слушать даже вахтёр.

Так, в зародыше, была убита несостоявшаяся идея – накормить пол Питера мантами. А жаль...

И, всё же, мне удалось частично осуществить задуманную идею! Но, уже в качестве наёмного работника в кооперативе «Анна» на улице Хлопина, где я одно время работал, специализируясь исключительно на мантах. Я даже чётко запомнил год – 1991-й, – потому, что именно с этого времени, «годами» неизменно застывшие цены, начнут плясать и выделять такие кренделя, от которых мы и сегодня не можем до конца оправиться.

В этом кооперативе на мою долю выпала благороднейшая задача: накормить бедных и вечно голодных студентов, с чем я, хоть и с трудом, но справлялся.

Для справки: без дежи (ёмкость для замеса теста), без специального оборудования, вручную, я за день умудрялся замесить, раскатать, «налепить», отварить и реализовать не менее 1000 – 1200 мантов в день. Мой личный «рекорд», после которого я уже был «никакой» – 1257 мантов в день. Мой рабочий день был с 7 утра до 7 вечера. Другой, на моём месте давно бы взвыл. Но, как вы, вероятно, догадались – я ведь ничего «просто так» не делаю. Мне удалось «выторговать» для себя очень выгодные – на первый взгляд – условия: чтобы, мне платили с каждой проданной единицы мантов – 10 копеек. Вначале все шло замечательно: каждый день я зарабатывал по 100 рублей в день (сумасшедшие деньги!). Не у каждой уборщицы в месяц могла выйти такая сумма. Как сейчас помню, тогда в Питере были очень модны «кроссовки». Стоили они где-то порядка 1200 – 1300 рублей. Я уже их мысленно примеривал на себя.

Но в январе-феврале 1991 года цены вдруг резко подскочили. Потом мы, конечно же, привыкнем к подобным «штучкам», но тогда... Понятное дело, что манты тоже подорожали.

Однако мне продолжали исправно платить 10 копеек за штучку. Потом цены ещё раз подскочат. И к концу года – в третий раз. Моя же зарплата будет оставаться неизменной. На все мои возмущения, работодатели тыкали мне в нос подписанную мною же бумагу-договор, где стояла моя подпись.

Это уже потом, я стану «умным» и, составляя в дальнейшем аналогичный договор, стану указывать сумму, причитающуюся мне, уже в процентном выражении. Но, как всегда, в последний момент не учту ещё какой-либо важной мелочи. И меня снова «кинут». Ну, что ж здесь поделаешь – видать, «судьба такой»...

Натюрморт с самоваром

В 1987 году, мы вынуждены будем съехаться с моей тещей, променяв две небольшие квартирki на одну большую в центре. Естественно, это событие необходимо следовало отметить.

Среди прочих знакомых, я счёл необходимым пригласить на новоселье также и своих коллег по работе: Г. Несиса и Л. Шульмана

Геннадью Ефимовичу давно хотелось взглянуть на то, как я обустроился. Однако, он, как всякий воспитанный человек, прекрасно отдавал себе отчёт в том, что без подарка ходить в гости неприлично.

И тут ему пришла гениальнейшая идея: «Галиб-то, кажись, увлекается живописью!»

А в кладовке, как раз, давно пылился студенческий этюд одной из его учениц, которая баловалась на досуге малеванием. Правда, он был без рамы. Но, с другой стороны, это даже лучше: новый хозяин сам подберёт себе по вкусу подходящую раму.

«Как хорошо, что я его не выкинул!» – похвалил себя Геннадий Ефимович, когда они, войдя с Леонидом Евгеньевичем в нашу парадную, поднялись по лестнице и уткнулись в дверь нашей квартиры.

– А я тебе приготовил сюрприз: гляди! – ошарашил меня с порога гость, извлекая из-за спины «шедевр», на котором был изображён обычный натюрморт.

Сразу же, бросалось в глаза, что работа ученическая. Более того, эта кричащая синяя вазочка (сахарница?) на фоне выдержанного в тёплых тонах всего остального, смотрелась как-то странно и неестественно.

– Какая прелесть! – закатил я глаза в приступе блаженства, лихорадочно соображая – какие бы ещё слова подобрать для того, чтобы Геннадий Ефимович окончательно успокоился. – Такое... интересное и новаторское решение: сочетание тёплого и холодного! Ну, просто восхитительная вещь! Я даже не знаю, как Вас благодарить!

– Ну, что ты, Галиб – пустяки... – скромно ответствовал гость, коротко толкнув локтём в бок топтавшегося рядом в прихожей Шульмана. – Ну, – что я тебе говорил?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.